

МИФОТВОРЧЕСТВО КАК КОМПОНЕНТ СОЗНАНИЯ ПЕРСОНАЖА (И. А. Гончаров «Обломов»)

Рассмотрение русской литературы XIX в. под углом зрения культуры XX в., к чему призвал В. П. Руднев, объявив, что реализма нет, а есть лишь «призрак реализма», позволило прежде всего исследовать написанное классиками, а не вводить великие произведения в рамки, предуказанные направлениями, методами и тенденциями. Отказ от признания существования реализма как убедительно доказанного и последовательно воплощенного метода обогащает наше знание литературы. Место социологизированного подхода к литературоведческому исследованию занято изучением мифопоэтики: «...исследователи построили новый миф вместо мифа о реализме» [3, 199]. Не всегда обоснованно выглядит апелляция к «паттернам» и «парадигмам», как вызывает сомнение и утверждение присутствия самого мифопоэтического контекста, который современными исследователями понимается предельно широко. Вместе с тем мифопоэтическое исследование чрезвычайно увлекательно. Думается, что главное его преимущество – постоянное открытие новых смыслов, которых не счесть в бездонной великолепии русской классики. Хотелось бы, правда, чтобы не произошла действительная замена одного призрака другим.

Началом изменения отношения к русской классике можно считать распространение влияния идей М. М. Бахтина. В. Н. Топоров написал несколько работ, в которых в произведениях Ф. М. Достоевского отмечались черты архаических представлений, А. К. Жолковский представил свои исследования произведений Л. Н. Толстого. Достаточно интересные результаты дает изучение мифопоэтики «Грозы» А. Н. Островского, которое не прекращается до сих пор. Несправедливо обойден вниманием исследователей остался И. А. Гончаров. Его творчеству, даже и в традиционном историко-литературном аспекте, было посвящено немного основательных работ, а в конце XX в. интерес к произведениям великого классика, если и не утрачен, то продолжается в русле утвердившихся представлений. Присутствие фольклорной, мифологической составляющей признается в творчестве И. А. Гончарова *a priori*. Показательно, что В. П. Руднев, приводя примеры «гуманитарного мифотворчества», идею о рассмотрении Обломова в мифопоэтическом аспекте оставляет без ссылки, т. е. такое исследование не проведено, тогда как стихотворение Н. А. Некрасова «Железная дорога» как воплощение идеи строительной жертвы и рассказ Л. Н. Толстого «После бала» – архаической инициации, нашли реализацию в трудах, ставших хрестоматийными, – В. А. Сапогова и А. К. Жолковского. В. П. Руднев же, несколько иронизируя, высказал предположение, что в Обломове можно увидеть «не просто обленившегося русского барина, но воплощение Ильи Муромца, сидящего на печи тридцать лет и три года» [3, 199]. Также небезынтересно, что В. И. Тюпа,

сосредоточиваясь на двойственности в своем аналитическом рассмотрении первой главы романа И. А. Гончарова, акцентирует ту же черту – возраст героя, однако более для подтверждения своей идеи: в данном случае возраст, также толкуемый в мифопоэтическом аспекте, служит отражением идеи двойственности, а именно, переходности: «...Обломова мы застаем на пороге возраста Христа – лиминального (порогового, пограничного) возраста символической смерти и преображения (воскресения в новом статусе). Эта лиминальная символика, через посредство волшебной сказки уходящая корнями в ритуально-мифологический комплекс инициации и обнаруживаемая в основе множества сюжетов мировой литературы, весьма часто манифестируется свадебным комплексом мотивов. Данный вариант мы имеем и в романе Гончарова, где с самого начала Захар характеризует результат своих мнимых трудов так: *Прибрано, словно к свадьбе*. Чуть позже Илья Ильич восклицает: *Ведь есть же такие ослы, что женятся!*» [4, 142].

Однако «свадебный комплекс мотивов», переходность, двойственность, несомненно присутствующие в повествовательной структуре романа Гончарова, могут быть объяснены и тем, что сам Илья Ильич – мифотворец, и это качество персонажа неоднократно подчеркивается автором. Так, в «Сне Обломова» содержатся ключи ко всем мотивам и образам романа, к развитию сюжета в целом. (Напомню, что эта глава была опубликована на 10 лет раньше романа в целом и она единственная имеет название, остальные лишь пронумерованы.) Разве это реальная Обломовка, в которой провел детство Илья? Это сказочный край! В нем даже смерти нет: «*В последние пять лет из нескольких сот душ не умер никто, не то что насильственной, даже естественной смертью. <...> А если кто от старости или от какой-нибудь застарелой болезни и почил вечным сном, то там долго после того не могли надивиться такому необычному случаю*» [2, 84]. Не умер, не скончался, а «почил вечным сном». Эта иносказательная формула как нельзя лучше коррелирует с названием главы и далеким от *реальной* жизни состоянием сказочной Обломовки и ее невинных обитателей, а также предсказывает символическую смерть самого главного героя.

В множестве деталей мифологический характер волшебного края Обломова выступает со всей очевидностью: в избу, стоящую на краю обрыва «с незапамятных времен», дано войти не всякому, «разве только посетитель упросит ее *стать к лесу задом, а к нему передом*» [курсив И. А. Гончарова. – У. В.] [2, 82]; «*крестьяне в известное время возили хлеб на ближайшую пристань к Волге, которая была их Колхидой и Геркулесовыми Столпами, да раз в год ездили некоторые на ярмарку, и более никаких сношений ни с кем не имели*» [2, 83].

Счастливая особенность русских классиков все всегда объяснять словами, не оставляя читателю места для домыслов и догадок, что утверждал В. Набоков в «Лекциях по русской литературе», дает возможность найти в «Сне Обломова» точные указания на природу, характер и смысл мифотворчества Ильи Ильича: «...сказка у него смешалась с жизнью, и он бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка»

[2, 94], и далее: «А, может быть, сон, вечная тишина вялой жизни и отсутствие движения и всяких действительных страхов, приключений и опасностей заставляли человека творить среди естественного мира другой, несбыточный, и в нем искать разгула и потехи праздному воображению или разгадки обыкновенных сцеплений обстоятельств и причин явления вне самого явления» [2, 95]. В последней цитате мы обращаем внимание на начальное «может быть», выражающее лишь предположение, и на философские обобщения «творить среди естественного мира другой», а также витиеватое «причин явления вне самого явления».) Обращение к тексту показывает и что мифотворчество – это деятельность Обломова. Гончаров иронизирует, называя эту деятельность «работой»: «...большую часть узора жизни, который он чертил в своем уединении, занимал новый, свежий, сообразный с потребностями времени план устройства имения и управления крестьянами. <...> Он несколько лет **неутомимо работает** над планом, думает, размышляет и ходя, и лежа, и в людях; то дополняет, то изменяет разные статьи [замечу, что Илья Ильич при этом ничего не пишет! – У. В.], то возобновляет в памяти придуманное вчера и забытое ночью; а иногда вдруг, как молния, сверкнет новая, неожиданная мысль и закипит в голове – и пойдет **работа**. <...> Он как встанет утром с постели, после чая ляжет тотчас на диван, подопрет голову рукой и обдумывает, не щадя сил, до тех пор, пока, наконец, голова утомится от **тяжелой работы** и когда совесть скажет: довольно сегодня сделано для общего блага. <...> Тогда только решается он отдохнуть от **трудов** и переменить заботливую позу на другую, менее деловую и строгую, более удобную для мечтаний и неги» [2, 52]. В этом отрывке четырежды упомянута работа, труды, в первом предложении 10 глаголов! Но эта работа скрыта от постороннего глаза – ни плодов неустанной деятельности Ильи Ильича, ни даже его попыток перевести свои умственные усилия из плана воображаемого в план действительности мы не увидим. В конце VI главы Гончаров говорит, что один лишь Штольц мог судить «об этой внутренней волканической работе пылкой головы, гуманного сердца», но «Штольца почти никогда не было в Петербурге» [2, 54]. И лишь Захар, слуга Обломова, знал «весь его внутренний быт», и глава VII посвящена Захару, которого справедливо называют двойником Обломова, воспитанным в той же среде, разделяющим образ жизни своего барина.

Мыслительная деятельность Обломова огромна, поскольку он создает совершенный сказочный мир, где все продумано до мелочей. Воплотив свою мысль в слова и изложив Штольцу, Илья Ильич слышит приговор – «обломовщина», и, возражая, сам называет сотворенный собой мир «идеалом утраченного рая».

В страстном монологе Обломова впервые возникает упоминание арии из оперы «Норма» – *Casta diva*, «Пречистая дева», и так впервые появляется в романе Ольга Ильинская. Казалось бы, уже это первое упоминание в связи с мечтой Обломова и его любимой музыкой, а также фамилия героини – Ильинская (т. е. чья? – Ильи Ильича, принадлежащая ему) должны

обеспечить счастливое соединение в «свадебном комплексе мотивов». Кроме того, нельзя не обратить внимание на имманентное мифу понятие вечности, непременно присутствующее в мечтаниях Обломова, в его представлениях о любви. Он мечтает о «неизменной физиономии покоя, вечном и ровном течении чувства», сохраняющемся 20, 30 лет. «Вечное» как главный залог «настоящей жизни» повторяется в его размышлениях несколько раз: *«Вечно ровное биение покойно-счастливого сердца, следовательно, вечно наполненная жизнь, вечный сок жизни, вечное нравственное здоровье»*. Обломов мечтает о жизни с Ольгой вначале в *«волшебной дали»* – в Европе, затем в *«земном раю»* – в Обломовке. Ольга в воображении Обломова предстает как прекрасная статуя – в романе несколько раз встречается это сравнение. И ее совершенство вполне отвечает идеалу Обломова, который он представляет как вечную любовь. Но почему же в таком случае их любовь не осуществилась? Неужели действительно дело в той мизерной причине, на которую указал И. Анненский как на неистинную: «Один критик зло посмеялся и над Ольгой, и над концом романа: хороша, мол, любовь, которая лопнула, как мыльный пузырь, оттого, что ленивый жених не собрался в приказ. <...>Мне конец этот представляется весьма естественным. Гармония романа кончилась давно, да она, может, и мелькнула всего на два мгновения в *Casta diva*... в сиреновой ветке; оба, и Ольга и Обломов, переживают сложную, внутреннюю жизнь, но уже совершенно независимо друг от друга; в совместных отношениях идет скучная проза, когда Обломова посылают то за двойными звездами, то за театральными билетами, и он, кряхтя, несет иго романа. <...>Нужен был какой-нибудь вздор, чтобы оборвать эти совсем утончившиеся нити» [1]. Однако, помимо «вздора», есть причина, не позволившая Илье Ильичу обрести счастье с предназначенной ему Ильинской, и причина эта – несоответствие Ольги, ее статуарной красоты фольклорному идеалу, красоте Милитрисы Кирбитьевны. *«Ольга в строгом смысле не была красавица, то есть не было ни белизны в ней, ни яркого колорита щек и губ, и глаза не горели лучами внутреннего огня; ни кораллов на губах, ни жемчугу во рту не было...»* [2, 157]. С введением образа Ольги связано и нарушение хронологии в романе, осознанно или неосознанно допущенное Гончаровым. С приездом Штольца Ильи Ильич ежедневно бывает на приемах, ездит с приятелем по делам, *«другой, третий день опять, и целая неделя промелькнула незаметно»*. Затем восстает «против этой суеты», и происходит разговор, в котором Обломов излагает свой идеал жизни в сказочной стране, Штолец называет его «обломовщиной» и рассказывает об Ильинской, которая исполняет *Casta diva*, обещая познакомить с ней Обломова. Вместе с тем знакомство с Ильинской происходит на следующий же день после приезда Штольца, заставшего друга в разных чулках и рубашке наизнанку. *«Разные чулки»* станут потом «оружием» Ольги и не раз возникнут в разговоре. Возможно, это лишь упущение Гончарова, но в таком выверенном, десятилетие создававшемся романе эта деталь может служить лишним доказательством того, что Агафья Пшеницына, в доме которой все свершается в строго регламентированном

природой и церковным календарем порядке не случайно становится Милитрисой Кирбитьевной: *«Грезится ему, что он достиг той обетованной земли, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре. <...> Слышит он рассказы снов, примет, звон тарелок и стук ножей, жметя к няне, прислушивается к ее старческому, дребезжащему голосу: – Милитриса Кирбитьевна! – говорит она, указывая ему на образ хозяйки»* [2, 390].

С Ольгой Обломов не преобразился (миф упорядочивает, реальность следует хаосу случайности, в том числе и в отношении временной последовательности), а Пшеницына «становится женой Обломова без переходности свадебного обряда» [4, 143]. В.И. Тюпа «несостоявшуюся перемену статуса» считает подтверждением указанной им дихотомии «природа – культура», в которой Обломов – «природный человек», говорящий возлюбленной «Возьми меня, как я есть, люби во мне, что есть хорошего», а Штольц и Ольга – представители культуры, жаждущей «обновления и преобразований, переделок, усовершенствований...» [4, 143].

Однако, кроме того, противостояние «Обломов – Штольц» – это противостояние мифотворца и реалиста (как и Пшеницына – Ильинская противопоставлены в своем отношении «следование установленному движению времени – «случайное» нарушение хронологии»). Мысленная работа Обломова невероятна. Так, он предвидит все возможные варианты развития событий, находясь перед выбором «теперь или никогда!» Он знает все, что нужно делать, если «идти вперед», знает все, что скажет ему Штольц. Так же точно, до деталей, он знает, что произойдет, если «остаться». Знает и свой конец: *«...не дочитать до конца путешествие в Африку, состариться мирно на квартире у кумы Тарантьева...»* [2, 153].

Эта способность мысленного конструирования приводит и к первому разрыву с Ольгой, когда Обломов в воображении вдруг решает, что стал лишь первым, пробудившим в Ольге чувства, что ей не за что полюбить его, хотя накануне она трижды сказала: *«Люблю, люблю, люблю»*. Он же пишет письмо, в котором отвечает *«Нет, нет, нет»*. В минуты сомнения ему является *«светлая, как праздник, Обломовка»* [2, 225], но затем снова – мучительные сомнения, терзания из-за приписывания себе несуществующих пороков (*«я соблазнитель, волокита!»*) [2, 225]. Так же и решая *«протянуть Ольге руку с кольцом»*, Илья Ильич представляет *«ее стыдливое согласие, улыбку и слезы, молча протянутую руку, долгий, таинственный шепот...»*. Но действительность, живая, настоящая Ольга опровергают то, что создано его воображением: *«И вдруг, ни порывистых слез от неожиданного счастья, ни стыдливое согласие! Как это понять? В сердце у него проснулась и завозилась змея сомнения...»* [2, 233]. Жизнь его души неостановима. Он живо воображает все «ужасы» семейной жизни, потом – «поэзию», потом – детали, как Штольц удивится, а Захар *«завопит от радости»*. В сценах раздумий о женитьбе прежде всего обращает внимание противоположение «руки» и «сердца»: не то и другое Обломов предлагает Ольге, а лишь *«руку с кольцом»*, так же и она в ответ протягивает ему руку, а в сердце Обломова в

это время – «змея сомнения», готовая отказаться от противоречащей сказке действительности.

Путь к отступлению Обломову «обеспечивает» абсурдный диалог с Пшеницыной. Коммуникация не состоялась, поскольку Агафья Матвеевна «тупо слушала, ровно мигая глазами» [2, 246] (слова «тупо», «тупой» самые частые в ремарках к ее репликам и в ее описаниях). Они говорили каждый о своем – блестящий литературный прием! – и Обломов, ничего не выяснив, оставляет объяснение «до другого раза».

Только прочитав роман до конца, закрыв книгу, можно подумать, что да, в самом деле, какая нужна была малость для того, чтобы счастье Обломова осуществилось наяву! Но в романе, в спокойном течении прозы Гончарова препятствия, встающие перед Обломовым (неустроенность имения, дом рушится, туда невозможно приехать с молодой женой, денег на свадьбу нет и не предвидится), показаны как действительно непреодолимые. Его опутали проходимцы, его обокрали и обманули, как может «голубиное сердце» противостоять деятельному злу? Штольц делает для своего друга все, что может: разоблачает преступный обман, берет на себя управление имением, распоряжается о постройке дома, но Обломов уже никогда не выберется из дома на Выборгской стороне, поскольку живет там, «где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре». Милитриса Кирбитьевна – светлый сказочный образ детства – явилась в образе Агафьи Матвеевны Пшеницыной – почти бессловесной, живущей лишь хозяйственными заботами. Обломов не преобразился, поскольку достиг своей волшебной страны, а затем перешел из состояния сонной жизни в смерть как в сон (покоился «на одре смерти, как на ложе сна»), в уже осуществленную, вещественно подтвержденную сказку (ответ на вопрос «где Обломов?» – «...Под скромной урной покоится тело» [курсив наш. – У. В.] указывает лишь на нахождение физической оболочки).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненский И. Ф. Гончаров и его Обломов // Книга отражений. М., 1979.
2. Гончаров И. А. Обломов. М., 1957.
3. Руднев В. П. Призрак реализма // Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000.
4. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. зав. М., 2008.